

<p style="text-align: right;"><i>H.D. THOREAU</i></p> <p style="text-align: center;">CIVIL DISOBEDIENCE <i>(excerpt)</i></p> <p>All voting is a sort of gaming, like checkers or backgammon, with a slight moral tinge to it, a playing with right and wrong, with moral questions; and betting naturally accompanies it. The character of the voters is not staked. I cast my vote, perchance, as I think right; but I am not vitally concerned that that right should prevail. I am willing to leave it to the majority. Its obligation, therefore, never exceeds that of expediency. Even voting for the right is doing nothing for it. It is only expressing to men feebly your desire that it should prevail. A wise man will not leave the right to the mercy of chance, nor wish it to prevail through the power of the majority. There is but little virtue in the action of masses of men. When the majority shall at length vote for the abolition of slavery, it will be because they are indifferent to slavery, or because there is but little slavery left to be abolished by their vote. They will then be the only slaves. Only his vote can hasten the abolition of slavery who asserts his own freedom by his vote.</p> <p>I hear of a convention to be held at Baltimore, or elsewhere, for the selection of a candidate for the Presidency, made up chiefly of editors, and men who are politicians by profession; but I think, what is it to any independent, intelligent, and respectable man what decision they may come to? Shall we not have the advantage of his wisdom and honesty, nevertheless? Can we not count upon some independent votes? Are there</p>	<p style="text-align: right;"><i>Г.-Д. ТОРО</i></p> <p style="text-align: center;">О ГРАЖДАНСКОМ НЕПОВИНОВЕНИИ <i>(отрывок)</i></p> <p><i>Перевод З.Е. Александровой</i></p> <p>Всякое голосование подобно игре, вроде шашек или триктрака, с некоторым моральным оттенком, игре с правдой и неправдой, с нравственными проблемами, и естественно, что делаются ставки. Репутация играющих на кон не ставится. Я, может быть, и голосую, как считаю справедливым, но не заинтересован кровно в том, чтобы справедливость победила. Я готов предоставить это решению большинства. Поэтому дело не идет дальше соображений целесообразности. Даже голосовать за справедливость еще не значит действовать за нее. Вы всего лишь тихо выражаете ваше желание, чтобы она победила. Мудрый не оставляет справедливость на волю случая и не хочет, чтобы она победила силой большинства. В действиях человеческих масс не много силы. Когда большинство проголосует наконец за отмену рабства, то потому, что оно безразлично к рабству, или потому, что останется очень мало рабства, подлежащего отмене. Тогда единственным рабом будет оно само. Приблизить уничтожение рабства может только тот голосующий, который утверждает этим собственную свободу.</p> <p>Я слышал, что в Балтиморе или где-то еще соберется съезд преимущественно из газетных издателей и профессиональных политиков; но для независимого, разумного и порядочного человека не все ли равно, к какому решению этот съезд придет? Выше ли он нас своим разумом, порядочностью? Неужели мы не можем рассчи-</p>	<p style="text-align: right;"><i>Г.-Д. ТОРО</i></p> <p style="text-align: center;">О ГРАЖДАНСКОМ НЕПОВИНОВЕНИИ <i>(отрывок)</i></p> <p><i>Перевод О. В. Альбедилля</i></p> <p>Все голосования – это род игры, вроде триктрака, с легким моральным оттенком, игры в правильное и неправильное с вопросами морали, и заключение пари, естественно, сопровождают ее. Причина этого в том, что у избирателей нет кровной заинтересованности. Я отдаю свой голос случайно, за то, что считаю правильным, но я не заинтересован жизненно в том, чтобы эта сторона победила. Я полагаюсь на волю большинства. Поэтому обязательность голосования никогда не выходит за пределы рассудочности. Проголосовать за справедливость – еще не значит что-то сделать для нее. Это лишь слабое проявление перед людьми вашего желания победы справедливости. Мудрец не оставит справедливость на произвол случая и не пожелает ей победы силой большинства: в действиях большинства слишком мало добродетели. Когда большинство, в конце концов, проголосует за отмену рабства, то это случится или потому, что они безразличны к рабству, или потому, что от рабства уже почти ничего не останется, и поэтому станет возможным отменить его голосованием. Они будут тогда единственными рабами. Лишь голос того может ускорить отмену рабства, кто отстаивает таким образом собственную свободу.</p> <p>Я слышал о конференции, которая пройдет в Балтиморе или еще где-то, для выбора кандидата в президенты, и что на ней будут присутствовать, главным образом, редакторы и</p>
--	---	---

not many individuals in the country who do not attend conventions? But no: I find that the respectable man, so called, has immediately drifted from his position, and despairs of his country, when his country has more reason to despair of him. He forthwith adopts one of the candidates thus selected as the only available one, thus proving that he is himself available for any purposes of the demagogue. His vote is of no more worth than that of any unprincipled foreigner or hiring native, who may have been bought. Oh for a man who is a man, and, as my neighbor says, has a bone in his back which you cannot pass your hand through! Our statistics are at fault: the population has been returned too large. How many men are there to a square thousand miles in this country? Hardly one. Does not America offer any inducement for men to settle here? The American has dwindled into an Odd Fellow— one who may be known by the development of his organ of gregariousness, and a manifest lack of intellect and cheerful self-reliance; whose first and chief concern, on coming into the world, is to see that the almshouses are in good repair; and, before yet he has lawfully donned the virile garb, to collect a fund for the support of the widows and orphans that may be; who, in short ventures to live only by the aid of the Mutual Insurance company, which has promised to bury him decently.

It is not a man's duty, as a matter of course, to devote himself to the eradication of any, even the most enormous wrong; he may still properly have other concerns to engage him; but it is his duty, at least, to wash his hands of it, and, if he

тывать на независимые голоса? Разве мало в стране людей, которые не присутствуют на съездах? Но нет: оказывается, так называемый порядочный человек изменил свою позицию и махнул рукой на страну, когда у страны больше оснований махнуть рукой на него. Он немедленно объявляет одного из избранных таким образом кандидатов единственно годным, доказывая при этом, что сам он годен демагогам для любой их цели. Голос его имеет не больше цены, чем голос любого беспринципного чужеземца или подкупленного избирателя. Где же настоящий человек, мужчина, такой, которому хребет рукой не согнешь, как говорит мой сосед! Наша статистика ошибается: населения у нас вовсе не так много. Сколько мужчин приходится на тысячу квадратных миль? Едва ли наберется один. Значит, Америка не представляет собой ничего привлекательного для поселенцев? Американец выродился в чудака – существо, которое можно опознать по органу стадности и явному недостатку интеллекта и уверенности в себе; которое, являясь на свет, прежде всего и более всего озабочено состоянием богаделен; и, еще не достигнув совершеннолетия, копит в фонд возможной вдовы и сирот; словом, отваживается жить только благодаря страховой компании, обещавшей ему различные похороны.

Человек не обязан непременно посвятить себя искоренению даже самого большого зла; он имеет право и на другие заботы; но долг велит ему хотя бы сторониться зла и если не думать о нем, то не оказывать поддержки. Если я предаюсь иным занятиям и размышлениям, мне надо хотя бы убедиться прежде, не предаюсь ли я им,

профессиональные политики, и я подумал: какое значение будет иметь решение, к которому они придут, для любого независимого, разумного и почтенного человека, каковыми большинство себя считает? Почему же, несмотря ни на что, подобный человек не воспользуется преимуществами ума и чести? Неужели мы не в состоянии подсчитать независимые голоса? Разве мало людей в стране, которые не посещают конференций? Но вот я вижу, что, так называемый, почтенный человек уже сменил под их влиянием свою позицию и потерял веру в свою страну, хотя у страны гораздо больше оснований потерять веру в него. Он уже принял одного из кандидатов, избранного таким образом, как единственно перспективного, доказывая тем самым, что он сам перспективен, как цель для любой демагогии. Его голос не намного лучше, чем голос любого беспринципного иностранца или продажного обывателя. О, где же человек, что был бы Человеком, и которого, как говорит мой сосед, не скрутить, не подкупить! Наша статистика заблуждается, сообщая, что население очень велико. Сколько Человек приходится на тысячу квадратных миль в этой стране? Едва ли один. Почему бы Америке не придумать какой-нибудь стимул, чтобы в ней рождались Люди? Американец выродился в чудака, известного развитым органом стадности, недостатком интеллекта и неунывающей самоуверенностью, чья первая и главная мысль, по пришествии в мир, – убедиться, что богадельни в полном порядке, и, еще не облачившись законно в мужской костюм, собирать фонд для поддержки вдов и сирот; в нечто такое, что рис-

gives it no thought longer, not to give it practically his support. If I devote myself to other pursuits and contemplations, I must first see, at least, that I do not pursue them sitting upon another man's shoulders. I must get off him first, that he may pursue his contemplations too. See what gross inconsistency is tolerated. I have heard some of my townsmen say, "I should like to have them order me out to help put down an insurrection of the slaves, or to march to Mexico; — see if I would go"; and yet these very men have each, directly by their allegiance, and so indirectly, at least, by their money, furnished a substitute. The soldier is applauded who refuses to serve in an unjust war by those who do not refuse to sustain the unjust government which makes the war; is applauded by those whose own act and authority he disregards and sets at naught; as if the state were penitent to that degree that it hired one to scourge it while it sinned, but not to that degree that it left off sinning for a moment. Thus, under the name of Order and Civil Government, we are all made at last to pay homage to and support our own meanness. After the first blush of sin comes its indifference; and from immoral it becomes, as it were, unmoral, and not quite unnecessary to that life which we have made.

The broadest and most prevalent error requires the most disinterested virtue to sustain it. The slight reproach to which the virtue of patriotism is commonly liable, the noble are most likely to incur. Those who, while they disapprove of the character and measures of a government, yield to it their allegiance and support

сидя на чьей-либо спине. Я должен сперва слезть с нее, чтобы и тот, другой, мог предаться созерцанию. Смотрите, какова непоследовательность. Я слышал, как иные из моих земляков говорят: «Пускай попробуют послать меня подавлять восстание рабов или в Мексику — так я и пойду!» — и, однако, каждый из этих людей прямо, своей поддержкой правительства, или, по крайней мере косвенно, своими деньгами, обеспечивает вместо себя заместителя. Хвалят солдата за отказ участвовать в несправедливой войне, а сами не отказываются поддерживать несправедливое правительство, которое эту войну ведет; хвалят того, кто бросает вызов их поведению и авторитету, как если бы штат настолько каялся в грехах, что нанял кого-то бичевать себя, но не настолько, чтобы хоть на миг перестать грешить. Вот так, под видом Порядка и гражданского повиновения, всем нам приходится оказывать поддержку и уважение собственной подлости. Сперва грешник краснеет, потом становится равнодушен к своему греху, а безнравственность становится как бы безотносительной к нравственности и не бесполезной для той жизни, какую мы создали.

Величайшее и самое распространенное заблуждение нуждается в самой бескорыстной добродетели. Легкий упрек, какой обычно адресуют патриотизму, чаще всего навлекают на себя люди благородные. Те, кто осуждает правительство и его мероприятия и одновременно поддерживают его, являются несомненно самыми добросовестными его сторонниками и зачастую наибольшим препятствием на пути реформ. Кто петициями требует от штата выйти из Союза, пренебречь требованиями президента. Отчего

кует жить только с помощью страховой компании, которая обещает похоронить его благопристойно.

Разумеется, в обязанности человека не входит искоренение любого, даже самого вопиющего, зла, — здесь каждый волен руководствоваться своими взглядами на этот счет, но необходимо, по крайней мере, умыть руки, чтобы если уж отстраняться от борьбы, то хотя бы никак не поддерживать зло. Если я решил, что борьба со злом — это не мое дело, а мое дело — совсем в другом, то, по меньшей мере, необходимо понять, что не следует делать это другое дело, сидя у кого-нибудь на шее. Сначала я должен отпустить его, чтобы и он мог заняться своим делом. Посмотрите, какое огромное противоречие получается! Я слышал, как один из моих земляков сказал: «Приказали бы они мне участвовать в подавлении восстания рабов или маршировать в Мексику, — только б они меня и видели». Но, между тем, эти же самые люди либо непосредственно своей лояльностью, либо опосредованно, по крайней мере, своими деньгами, обеспечивают себе замену. Солдату, который отказывается участвовать в несправедливой войне, аплодируют те, кто не отказывается поддерживать несправедливое правительство, ведущее эту войну; те, чьи действия и власть он, на словах, не признает; это все равно, как если бы государство, раскаиваясь, наняло кого-нибудь, чтобы бичевать его за свои грехи, но умеренно, ибо оно не может перестать грешить хоть на мгновение.

Приходится констатировать, что прикрываясь именем Порядка и Гражданского Правительст-

are undoubtedly its most conscientious supporters, and so frequently the most serious obstacles to reform. Some are petitioning the State to dissolve the Union, to disregard the requisitions of the President. Why do they not dissolve it themselves — the union between themselves and the State — and refuse to pay their quota into its treasury? Do not they stand in the same relation to the State, that the State does to the Union? And have not the same reasons prevented the State from resisting the Union, which have prevented them from resisting the State?

How can a man be satisfied to entertain an opinion merely, and enjoy it? Is there any enjoyment in it, if his opinion is that he is aggrieved? If you are cheated out of a single dollar by your neighbor, you do not rest satisfied with knowing that you are cheated, or with saying that you are cheated, or even with petitioning him to pay you your due; but you take effectual steps at once to obtain the full amount, and see that you are never cheated again. Action from principle — the perception and the performance of right — changes things and relations; it is essentially revolutionary, and does not consist wholly with anything which was. It not only divides states and churches, it divides families; ay, it divides the individual, separating the diabolical in him from the divine.

Unjust laws exist; shall we be content to obey them, or shall we endeavor to amend them, and obey them until we have succeeded, or shall we transgress them at once? Men generally, under such a government as this, think that they ought to wait until they have persuaded the majority to

они сами не расторгнут собственный союз со штатом и не откажутся вносить деньги в его казну? Разве они не находятся в тех же отношениях к штату, как штат — к Союзу? И разве не те же причины мешают штату сопротивляться Союзу, какие мешают им сопротивляться штату?

Как может человек иметь определенное мнение и на этом успокоиться? Можно ли успокоиться, если ваше мнение состоит в том, что вас обидели? Если сосед обманул вас на доллар, вы не довольствуетесь сознанием того, что обмануты, или заявлением об этом, или даже петициями о возвращении причитающейся вам суммы; вы сразу же предпринимаете практические шаги, чтобы получить ее сполна и не быть обманутым впредь. Поступок, продиктованный принципом, осознание справедливости и ее свершение изменяют вещи и отношения; он революционен по своей сути и не совместим вполне ни с чем, что было до того. Он не только раскалывает государства и церкви, он разделяет семьи; более того: вносит раскол в отдельную душу, отмежевывая в ней дьявольское от божественного.

Несправедливые законы существуют; будем ли мы покорно им повиноваться, или попытаемся их изменить, продолжая пока что повиноваться им, или же нарушим их сразу? При таком правительстве, как наше, люди чаще всего считают, что следует ждать, пока не удастся убедить большинство изменить законы. Они полагают, что сопротивление было бы большим злом. Но если это действительно большее из двух зол, то виновато в этом само правительство. Именно оно делает его большим злом. Отчего оно неспособно идти навстречу реформам? Отчего не ценит

ва, все мы, в конце концов, воздаем уважение и поддержку собственной низости. После первой краски стыда за грех приходит безразличие, и из аморального это становится, как уже бывало, внеморальным и, следовательно, не слишком необходимым для той жизни, какую мы ведем.

Одно из самых больших заблуждений — это рассчитывать на бескорыстие и добродетельность. Благородного человека чаще всего могут упрекнуть в недостатке патриотизма. Тот же, кто хоть и осуждает меры правительства, но, тем не менее, лоялен и поддерживает его, несомненно делает это сознательно, — именно эти люди чаще всего являются наиболее серьезным препятствием для реформ. Некоторые требуют, чтобы штаты распустили союз и игнорировали полномочия президента. Так почему бы им не распустить самих себя — союз между собой и штатом — и отказаться платить свою долю в его казну? Разве они не в том же положении по отношению к штату, как штат — к союзу? И разве не одни и те же причины вызывают сопротивление штата по отношению к союзу, и между людьми и штатом?

Разве может человек найти удовлетворение и радость в затаенной мысли? Разве может быть радость от мысли, вызванной обидой? Если сосед надул вас на один доллар, то ведь вы не удовлетворитесь только осознанием этого, или высказыванием этого вслух, или обращением к нему с требованием вернуть причитающееся; вы примете решительные меры, чтобы получить все сполна и позаботитесь, чтобы вас не надули снова. Действия в соответствии с осно-

alter them. They think that, if they should resist, the remedy would be worse than the evil. But it is the fault of the government itself that the remedy is worse than the evil. It makes it worse. Why is it not more apt to anticipate and provide for reform? Why does it not cherish its wise minority? Why does it cry and resist before it is hurt? Why does it not encourage its citizens to be on the alert to point out its faults, and do better than it would have them? Why does it always crucify Christ, and excommunicate Copernicus and Luther, and pronounce Washington and Franklin rebels?

One would think, that a deliberate and practical denial of its authority was the only offence never contemplated by government; else, why has it not assigned its definite, its suitable and proportionate, penalty? If a man who has no property refuses but once to earn nine shillings for the State, he is put in prison for a period unlimited by any law that I know, and determined only by the discretion of those who placed him there; but if he should steal ninety times nine shillings from the State, he is soon permitted to go at large again.

If the injustice is part of the necessary friction of the machine of government, let it go, let it go; perchance it will wear smooth — certainly the machine will wear out. If the injustice has a spring, or a pulley, or a rope, or a crank, exclusively for itself, then perhaps you may consider whether the remedy will not be worse than the evil; but if it is of such a nature that it requires you to be the agent of injustice to another, then, I say, break the law. Let your life be a counter

разумное меньшинство? Зачем сопротивляется и кричит раньше, чем его ударили? Отчего неощрает в своих гражданах бдительность к своим недостаткам и более правильные поступки, чем те, на которые оно их толкает? Зачем оно всегда распинает Христа, отлучает Коперника и Лютера и объявляет мятежниками Вашингтона и Франклина?

По-видимому, обдуманное и подкрепленное действием непризнание его власти является единственным проступком, которого правительство не сумело предусмотреть; иначе почему за него не положено определенной и соразмерной кары? Если человек, не имеющий собственности, хоть однажды откажется заработать для правительства девять шиллингов, его заключат в тюрьму на срок, не ограниченный никаким известным мне законом и определяемый только по усмотрению лиц, которые его туда заключили; а если он украдет у государства девяносто раз по девяти шиллингов, его скоро выпускают на свободу.

Если несправедливость составляет неизбежную часть трения правительственной машины, то пусть себе вертится, пусть; авось трение малопомалу уменьшится, и, уж конечно, износится машина. Если несправедливость зависит от какой-то одной пружины, или шкива, или троса, или рычага, быть может, придется задуматься, не будет ли исправление зла злом еще худшим; но если она такова, что требует от вас вершить несправедливость в отношении другого, тогда я скажу: такой закон надо нарушить. Пусть твоя жизнь станет тормозящей силой и остановит машину. Я, во всяком случае, должен позабо-

вами, понимание и следование справедливости, — именно это изменяет сущность и обстоятельства, — они истинно революционны, а не слеплены из обломков прошлого. Это разделяет не только государства, церкви и семьи, увы, это разделяет и человека, отделяя в нем дьявольское от божественного.

Существуют несправедливые законы. Должны ли мы их просто соблюдать или нужно пытаться изменить их, соблюдая существующие, пока не добьемся своего, а может, лучше сразу отменить их? Обычно люди, при таком правительстве, как нынешнее, считают, что они должны ждать, пока не завоюют большинства, чтобы сменить правительство. Они думают, что если станут сопротивляться существующему, то средство может оказаться хуже самого зла. Это очень устраивает правительство. Но именно само это суждение и есть худшее зло. Почему правительство не может предвидеть и провести реформы? Почему оно не заботится о мудром меньшинстве? Почему оно вопит и возмущается еще до того, как его оскорбили? Почему оно не заботится о том, чтобы граждане имели возможность указать на его ошибки, для их исправления? Почему всегда распинают Христа, отлучают Коперника и Лютера, а Вашингтона и Франклина объявляют бунтовщиками?

Можно подумать, что сознательное несогласие с политикой правительства не является правонарушением, но тогда почему за это предусмотрено вполне определенное и соответствующее наказание? Если человек, у которого нет собственности, хотя бы раз откажется зара-

friction to stop the machine. What I have to do is to see, at any rate, that I do not lend myself to the wrong which I condemn.

As for adopting the ways which the State has provided for remedying the evil, I know not of such ways. They take too much time, and a man's life will be gone. I have other affairs to attend to. I came into this world, not chiefly to make this a good place to live in, but to live in it, be it good or bad. A man has not everything to do, but something; and because he cannot do everything, it is not necessary that he should do something wrong. It is not my business to be petitioning the Governor or the Legislature any more than it is theirs to petition me; and if they should not hear my petition, what should I do then? But in this case the State has provided no way; its very Constitution is the evil. This may seem to be harsh and stubborn and unconciliatory; but it is to treat with the utmost kindness and consideration the only spirit that can appreciate or deserves it. So is an change for the better, like birth and death which convulse the body.

титься, чтобы не поддаться злу, которое я осуждаю.

Что касается средств исправления зла, предлагаемых государством, то мне такие средства неизвестны. Слишком много времени они требуют, на это уйдет вся жизнь. А у меня есть другие дела. Я явился в этот мир не столько затем, чтобы сделать его местом, удобным для жилья, сколько затем, чтобы в нем жить, хорош он или плох. Человеку дано сделать не все, а лишь что-то; и именно потому, что он не может сделать всего, не надо, чтобы это что-то он делал неправильно. Не мое дело слать петиции губернатору или законодательным учреждениям, как и не их дело – слать петиции мне; и если на мою петицию они не обратят внимания, что мне делать тогда? В этом случае государство не предусматривает никакого выхода; именно его конституция и является злом. Это, быть может, звучит резко, упрямо и непримиримо, но именно так я проявляю наибольшую бережность и уважение к той человеческой сущности, которая этого заслуживает или может понять. Таковы все перемены к лучшему, как, например, рождение и смерть, от которых тело содрогается в конвульсиях.

ботать 9 шиллингов для штата – его посадят в тюрьму на не определенное никаким, насколько я знаю, законом время, по усмотрению того, кто посадит его туда, но, если он украдет у штата 90 раз по 9 шиллингов – его достаточно быстро выпустят на свободу.

Если несправедливость – это часть необходимого трения правительственной машины, то и пусть его; понятно, что машина будет снашиваться. Если же несправедливость становится всем механизмом, действующим только для себя, то вы, вероятно, можете подумать: не будет ли лекарство хуже болезни, а, если этот механизм к тому же требует, чтобы вы совершали несправедливость по отношению к другим, то я посоветую разбить его. Пусть ваша жизнь станет тем, что остановит подобную машину. Во всяком случае, я должен следить за тем, чтобы не служить тому злу, которое я осуждаю.

Что же касается методов, которыми государство обеспечивает устранение зла, то я таковых не знаю. Все это отнимает слишком много времени, а человеческая жизнь коротка. У меня же много других дел. Я пришел в этот мир не для того, чтобы превратить его в место, сносное для жизни, но для того, чтобы жить в нем, хорош он или плох. Нельзя объять необъятное, но то, что человек не в состоянии сделать все, вовсе не означает, что что-то можно делать плохо. У меня нет желания обращаться с прошениями к губернатору или в законодательный орган штата, ведь они же не обращаются подобным образом ко мне, но если они не прислушиваются к моим аргументам, то что я тогда

Подборка опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»

<http://www.thinkaloud.ru/parallelsya.html>

		<p>должен делать? Для этого случая государство не предоставляет линии действия: сама его конституция есть зло. Это может показаться резким, упрямым и непримиримым, но нужно с крайней доброжелательностью и вниманием рассмотреть сам дух этого и оценить его по достоинству. Все изменяется к лучшему именно подобным образом, – рождение и смерть одинаково сотрясают тело.</p>
--	--	--